

I. ВЫСТУПЛЕНИЯ

«СМОЛЕНСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ШКОЛА» В КОНТЕКСТЕ РЕАЛЬНОСТИ

В. А. Твардовская

доктор исторических наук (Москва)

Часть I

Особенность литературы о так называемой «Смоленской поэтической школе» (СПШ) в том, что она создается и издается в Смоленске. За пределами Смоленска этой теме как бы не существует, да и само понятие «смоленская поэтическая школа» так и не прижилось. Статьи о СПШ – все без исключения – основываются на работе А. В. Македонова, который в своих «Очерках советской поэзии» (1960) выделил (как гипотезу) особое направление в советской поэзии, назвав его основоположниками М. Исаковского и А. Твардовского. Македонов так и не пытался позднее свою гипотезу развить и более убедительно обосновать. В его работах о Твардовском внимания поэту, как основоположнику, обнаруженной им школы не уделяется. Однако «гипотеза» Македонова в работах смоленских исследователей давно превратилась в аксиому и при этом используется как основное доказательство существования СПШ.

Это характерно и для изданий, вышедших к 100-летию Твардовского, где деяниям СПШ подводится своего рода итог⁶. Как верующие начинают день с утренней молитвы, так пишущие о СПШ – со ссылок на Македонова. В свое время так стали ссылаться на классиков марксизма, цитата из которых замешала и аргументы, и факты. К примеру, в своем сборнике И. А. Королева упоминает о гипотезе Македонова не только в предисловии, а и в ряде статей, вошедших в него, что приводит к ненужным текстovým повторам⁷.

Стоит напомнить, что идея Македонова об особом «смоленском» направлении в советской поэзии при своем рождении встретила возражения⁸, большинство же исследователей её просто проигнорировали. Не принял македоновскую «гипотезу» и А. Твардовский. Активно её отстаивающая, Э. Л. Котова полагает: «поэт опасался, что на него будут смотреть лишь как на представителя провинциальной школы, в то время, как он, без сомнения, был одним из выдающихся самобытных писателей русской литературы в целом»⁹.

⁶ Седьмые Твардовские чтения «И ДРУЖБЫ ДОЛГ, И ЧЕСТЬ, И СОВЕСТЬ»

Надо ли доказывать, что опасаться этого Александр Трифонович в начале 1960-х гг. не мог. Еще «Страна Муравия» сделала его поэтом, широко известным за пределами Смоленска, а с «Василием Тёркиным» пришло народное признание. «Тёркин на том свете» – едва ли не первое издание самиздата, – ещё более укрепил популярность поэта. В 1960 г., когда родилась «гипотеза» о СПШ, Твардовский закончил «За далью – даль». Его поэмы и стихи переводились на языки народов СССР, издавались в переводах в странах Европы и Азии. Усмотреть в нём «представителя провинциальной школы» вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову.

Неприятие Твардовским «открытия» Македонова объяснялось просто: он не видел себя ни в прошлом, ни в настоящем в одном литературном объединении с Н. Рыленковым, Д. Осинным, С. Фиксиным и другими, названными его последователями. У него были иные требования к художественному мастерству и идейному содержанию, иные ориентиры в поэзии, чем у поэтов, определённых в СПШ. И к её основоположникам Твардовский себя причислить не мог. Симптоматично, что в своем журнале «Новый мир» представителей «смоленской школы» он, как правило, не печатал⁵.

Характерно, что и в обширной литературе о Твардовском, вышедшей к юбилею (в книгах А. Туркова, В. Акаткина, И. Осипова, Н. Ермолаевой, П. Фокина и в многочисленных статьях) нет упоминаний о таком явлении, как «смоленская поэтическая школа». Раздел о СПШ оказался лишь в монографии В. Ильина «А. Т. Твардовский: Очерки психологии творчества» (Смоленск, 2010). Он, по сути, никак не связан с содержанием книги, в которой ни слова нет о смоленской школе и причастности к ней А. Твардовского. Ничего нет о СПШ и в сборниках, вышедших по итогам юбилейных конференций 2010 г. в Смоленске и Воронеже, посвященных Твардовскому.

Но и в упоминавшемся сборнике «А. Твардовский и Смоленская поэтическая школа» заявленной теме большинство статей не соответствует. Вот, к примеру, статья «М. В. Исаковский и А. Т. Твардовский в Чистополе». Она рассказывает о жизни Исаковского в эвакуации, о том, каким помнят его местные жители, о переписке его с А. Твардовским, находившимся на фронте. Но при чём тут СПШ, остаётся неясным. Заметка Н. И. Медведевой «Псевдонимы А. Твардовского» столь же далека от темы СПШ, как статья Г. Ф. Ковалёвой «Особенности ономастики поэмы «Дом у дороги» или О. Л. Рублевой «Слово-концепт «даль» в поэме А. Твардовского «За далью – даль».

⁷ Седьмые Твардовские чтения «И ДРУЖБЫ ДОЛГ, И ЧЕСТЬ, И СОВЕСТЬ»

Примеры того, как авторы, публикующиеся под заголовком «А. Твардовский и СПШ», так и не смогли связать творчество поэта с заданной темой, можно умножить.

Ревнителю СПШ, по-видимому, считают всё в жизни и творчестве А. Твардовского достоянием СПШ, поскольку назначили его одним из её «основоположников». Ведь пишет же И. Королёва: «Если бы даже СПШ создала только «Василия Тёркина», этого было бы уже достаточно!»¹⁶ Но причастность СПШ к этому произведению остаётся пока недоказанной. В своём ответе читателям «Как был написан «Василий Тёркин» автор поэмы о СПШ не упоминает. Думается, что для утверждения значимости СПШ надо всё же показать, что создано в поэзии теми, кого здесь называют последователями или учениками Твардовского, а не им самим или Исаковским. Школа не может быть представлена только основоположниками.

Заглавие специального раздела сборника «А. Твардовский и Смоленская поэтическая школа»: «Имена, имена, имена» (основоположники и последователи) опять-таки обманывает читателя. Ведь он вправе ждать имён представителей СПШ, а вынужден довольствоваться статьями И. Королёвой и её учеников по ономастике. Судя по всему, в отличие от СПШ, школа ономастики во главе с проф. И. Королёвой реально существует в Смоленске. Ономастика (науку об именах собственных) здесь, как видно, считают важным ключом к пониманию творчества Твардовского, которое и рассматривается преимущественно «сквозь призму ономастики».

Что же касается имён представителей СПШ, то к списку Македонова 1960 года И. Королева в 2010 г. смогла добавить только Л. Козыря, А. Мишина, В. Смирнова и Ю. Пашкова. Исследовательница оговаривается, что этот ряд «нужно продолжить, но это уже дело современных литературных критиков». Но почему же не самих пишущих о СПШ? Тем более, что имена дополнительных четырёх «представителей» просто названы, а причастность их к СПШ никак не подтверждена. Да и, согласимся, что четыре новых имени – крайне малая прибавка за полвека. Это само по себе ставит под сомнение жизнеспособность «школы». Ведь авторы статей о СПШ оперируют, в основном, именами давно ушедших из жизни поэтов, названных тем же Адрианом Владимировичем.

Смоленские исследователи по-своему корректируют Македонова. В основоположники СПШ они от себя добавили Н. Рыленкова, а также отказались от тех хронологических рамок, в которые эта школа заключена её автором. Адриан Владимирович считал, что

8 Седьмые Твардовские чтения «И ДРУЖБЫ ДОЛГ, И ЧЕСТЬ, И СОВЕСТЬ»

СПШ возникла на рубеже 20–30-х гг., а на рубеже 30–40-х «расширилась» в общем потоке советской литературы⁷. Автор «гипотезы» не объясняет, почему смоленская школа исчезла накануне войны, если ее участники оставались живы, а основоположники активно работали в литературе. Смоленские литераторы, продлевая жизнь школы до наших дней, так же не заботятся об обосновании собственной хронологии. В то же время они не обогатили гипотезу Македонова ни новыми аргументами, ни фактами.

Мощной её поддержкой считают в Смоленске работу проф. В. С. Баевского. Ему, якобы, «удалось с помощью метода корреляционного анализа подтвердить правильность выводов Македонова и его гипотеза стала научной теорией»⁸.

А. Твардовский относился с настороженностью ко всякого рода статистическим методам анализа поэзии. Его сомнения в возможности проверить гармонию алгеброй могут объяснить консерватизмом. Но заслуживает внимания позиция специалиста по математической статистике проф. Е. С. Венгцель, печатавшейся в «Новом мире» Твардовского как И. Грекова. Она утверждала, что «точность в гуманитарных науках не связана с математической формализацией, а достигается глубиной проникновения в материал, полнотой учёта исторических, литературных, лингвистических и иных связей». И. Грекова напомнила, что и зачинатель применения математики в стиховедении академик А. Н. Колмогоров придерживался такого мнения. Он полагал, что результаты анализа стиховых текстов с помощью математики «по своей ценности сильно уступают тем, которые получены специалистами-литературоведами своими обычными, чисто гуманитарными методами»⁹.

Именно «чисто гуманитарным методом» была установлена не-красовская традиция поэзии молодого А. Твардовского, а также её связь с фольклором (в статьях А. В. Македонова, В. Ф. Асмуса, А. К. Тарасенкова, Е. Ф. Усиевич и других критиков в 30-е гг.). В его творчестве зрелого периода обнаруживалась, также без применения статистики, связь с пушкинской традицией. Думается, если близость поэтов надо доказывать с помощью «метода корреляционного анализа», она сама по себе весьма проблематична. Стоит учесть и то, что анализ В. С. Баевского был нацелен на выявление сходства, а не различий. А ведь различия между поэтом Твардовским и теми, кто определён в его ученики, видны и невооружённым «статистикой взглядом».

Формирование «смоленской школы» ее приверженцы относят след за А. Македоновым к рубежу 20–30-х гг. Именно в это время,

9 Седьмые Твардовские чтения «И ДРУЖБЫ ДОЛГ, И ЧЕСТЬ, И СОВЕСТЬ»

и сильные его стороны». По её словам, уверенности Твардовскому «придали чтения поэмы в Москве и Хосте с участием видных литераторов»³⁹.

Веры в свои силы прибавил и отклик в центральной печати на книгу стихов Твардовского, которая с огромными трудностями вышла в Смоленске в октябре 1935 г. Искусствовед и философ В. Асмус оценил не только талант Твардовского и его мастерство. Он отметил превосходное знание колхозной деревни, «социально-направленный взгляд» поэта на ее жизнь, «превосходный деревенский пейзаж», а также «запоминающийся, свежий язык диалогов и реплик». К лучшим стихам книги рецензент относил и те, что были обруганы в смоленской печати, признав их «живым и обещающим фактом поэзии»⁴⁰. Исаковскому, приславшему вырезку из «Известий» с заметкой В. Асмуса, Александр Трифонович сообщил: «В Смоленске рецензия «произвела впечатление». Новосельский ликует, многие меня поздравляют, а «друзья лирики» делают вид, что они «Известий» принципиально не читают». (Стоит пояснить, что В. Н. Новосельский – в ту пору заведующий Запгизом, отстоявший книгу стихов Твардовского, а «друзья-лирики» – те же, неоднократно помянутые Рыленков, Горбатенков, Осин, Долголенков и др.)

Поразительно, но восприятие поэзии А. Твардовского авторитетными в ту пору критиками – А. К. Тарасенковым, М. И. Серебрянским, В. Ф. Асмусом – никак не повлияло на отношение к нему тех, кто ныне числится в СПШ. Свои оценки творчества земляка и его новой поэмы пересматривать они не собирались: «сомнения дух им был неведом». По-видимому, прав Виктор Васильевич Ильин в том, что без «чёрной зависти» здесь не обошлось.

Симптоматично, что Н. Рыленков одновременно с Твардовским тоже работал над новой поэмой. Предпочитая злободневным темам исторические, он посвятил ее деревне между 1905 и 1917 гг. Публикуя поэму частями вплоть до конца 1960-х гг., автор постоянно вносил изменения в содержание – соответственно установкам времени. В нынешнюю пору в ней пришлось бы менять оценку столыпинских реформ, характеристику Столыпина и многое другое. Первая часть поэмы Рыленкова «Земля» опубликована в том же, что и «Страна Муравия» 1936 году. В местной печати она была признана неудачей автора⁴¹, а в центральной и вовсе не замечена.

Разумеется, с триумфальным обсуждением «Страны Муравии» в Москве 21 декабря 1935 г. в Союзе писателей СССР поэты-земляки Твардовского не поздравляли. От присутствовавших

на обсуждении М. С. Завьялова и В. Н. Новосельского в Смоленске были известны восторженные отзывы о поэме Б. Пастернака, В. Инбер, В. Асмуса, и среди других даже К. Зелинского, недавно солидаризировавшегося в оценке Твардовского с Горбатенковым. Со своим мнением о «Муравии» никто из её местных критиков в печати выступить не решился. То, что они думали о «Муравии», они выскажут на следствии по «делу Македонова» в 1937 г. Но в секции поэзии смоленской писательской организации, где до осени 1936 г. числился А. Твардовский, не могли смириться с тем, как «Страна Муравия» изменила судьбу ее автора.

Опубликованная в центральном журнале «Красная новь» и в Смоленске, новая поэма Твардовского готовилась к отдельному изданию в Москве. В августе 1936 г. Твардовский командирован СП СССР в ИФЛИ (переводом с 3-го курса Смоленского пединститута). В сентябре он приступает к занятиям на литературном факультете этого престижного вуза. И вот тогда же, в сентябре последовал новый выпад земляков против Твардовского, с явной целью его политической дискредитации. Н. Рыленков, И. Кац, Д. Осин и В. Аристов представляют в редакцию «Большевистской молодежи» статью о положении дел в местной писательской организации. На этот раз Горбатенкова не исключили в авторский коллектив как слишком одиозную фигуру, заменив безликим И. Аристовым руководителем литературного кружка в Вильнюсе. Но можно не сомневаться, ответственнейший секретарь газеты В. Горбатенков курировал прохождение этого коллективного труда.

Она начиналась: «И Совет писателей неблагополучно, материально, по сути, был направлен против руководства смоленской писательской организацией». Ее председатель, М. С. Завьялов обличался в подкупибельность и групповщине, а его заместитель А. Македонов – в мещанстве и авторитарности. Среди авторов статьи Рыленков (среди замов осетр. Давылова) играл далеко не второстепенную роль. Кабы важные сведения в этом опусе, связанные с именами Твардовского и Македонова, были получены именно от него.

В статье таилась групповщина в лице Македонова, Е. Марьянкова, В. Мурашова, которые были друзьями Твардовского. Хотя прямо он к этой «группировке» не причислялся, упоминалось о его защите от критики Е. Марьянкова, обвиняемого в клевете на Красную Армию и идеализации белогвардейцев⁴². Но в первоначальном тексте статьи содержалось и нечто более важное. Здесь

сообщалось что «Македонов в узком кругу вёл с Твардовским контрреволюционные разговоры о вождях революции В. И. Ленине и И. В. Сталине». Из показаний на следствии Н. Рыленкова будет видно, что именно он обогатил этими сведениями статью. Как на источник своей осведомленности он ссылался на разговор с Твардовским 1931 г., который он бережно хранил в памяти, разумеется, в своей интерпретации. Однако редактор газеты Н. Приходько эти «сведения» в печать не пропустил⁴¹.

Твардовскому эту статью, опубликованную без подписей, показал Исаковский, которому редакция «Большевистской молодежи» высылала газету. Сообщая жене, о «гнуснейшей статейке, направленной, гл. обр., против Македонова», Александр Трифонович писал: «Упоминается и моё имя. Но как я далек всем этим штучкам и недостижим» (Письмо 20 сентября 1936 // Архив А. Т.) Если бы статейка вышла в задуманном Рыленковым виде, о недостижимости пришлось бы поэту задуматься. Казалось бы, переехавший в Москву и числившийся членом СП СССР, он уже не имел прямого отношения к «неблагополучию» дел СП Западной области. Однако Твардовскому, которого усиленно выживали из Смоленска, явно стремились осложнить жизнь и на новом месте.

В Москве, между тем, положение поэта упрочилось. Он успешно учился в ИФЛИ, сдав экзамены по предметам, которые не преподавались в Смоленском пединституте, и осваивая новые. Чередой шли рецензии на «Страну Муравию», признающие поэму выдающимся явлением советской поэзии, отмечавшие её народность и художественность. Н. Асеев особо выделил высокую культуру стиха молодого провинциального поэта. К. Чуковский прислал о «Муравии» восторженное письмо. Восхищался поэмой С. Я. Маршак. Талант Твардовского отметил и А. Фадеев. Критики называли множество достоинств «Муравии», так и оставшихся незамеченными, непризнанными теми его земляками, которых позднее нарекут последователями автора. В центральной печати (журналах «Знамя», «Красная новь») выходят новые стихи Твардовского. В 1936 г. он вернул родительскую семью из ссылки. В июле 1937 г. у поэта родился сын. Жизнь его была полной, насыщенной, осложняясь лишь жилищными проблемами. Свою комнату в Смоленске поэт отдал родителям, чтобы им было куда вернуться. Его собственная семья еще долгое время не могла собраться под одной крышей. Но лето 1937 г. он с женой и детьми проводил в смоленской деревне.

Перед отъездом Александр Трифонович получил полное отчаяния письмо от Македонова. Друг сообщал об исключении его

из «группы сочувствующих» за «контрреволюционные и авербаховские взгляды». Адриана Владимировича особо расстроило, что Исаковский посчитал «эту несправедливую меру справедливой»⁴². «В Смоленске, кажется, раскрылись очень серьезные вещи, о которых писать в письме не могу, ибо пока что это слухи», — писал Македонов, замечая, что паника в партийной организации писателей «отчасти понятна, хотя и неоправданна» (Письмо А. В. Македонова 22.VII.37. // Архив А. Т.).

Твардовский уезжал на Смоленщину с мыслью поддержать друга, слишком знакома и близка ему была беда Адриана Владимировича. Как говорилось, он уже не был членом ССП Западной области, но на собрание смоленских писателей 17 августа пришёл. Поначалу к Александру Трифоновичу отнеслись здесь с почтением как к вышедшему «на большую дорогу». Симптоматично, что Македонову уже не ставили в вину поддержку «кулацких произведений Твардовского». А сам он, защищаясь, напоминал, что отстаивал «Страну Муравию», признанную достижением советской литературы, от тех, кто его обвиняет в авербаховщине⁴³.

Обстановка резко изменилась после выступления Твардовского. Ему бы отмолчаться на этом страшном собрании, принять бы во внимание, что среди писателей, как и во всей стране, уже начались аресты. Было очевидно, что и в смоленской писательской организации готовились выявить своих, местных заговорщиков, начав с Македонова. Александр Трифонович предполагал лишь высказаться в защиту друга, напомнив о его заслугах. Но свистопляска, развернувшаяся вокруг Македонова, нарушила его планы.

В протоколах собрания смоленских писателей 17–19 августа 1937 г. текст выступления Твардовского не сохранился. Но Мария Илларионовна помнила о нём со слов своего мужа. Твардовский, по сути, восстал против тех, кто расправлялся с Македоновым, а до того пытался расправиться и с ним. Александр Трифонович напомнил, как и его эти же люди «топтали ногами», изгоняли из литературы⁴⁴. В этой незапланированной отповеди своим гонителям, он выплеснул всю горечь, накопившуюся в нём за годы пребывания в среде смоленских литераторов. О последствиях своей пламенной речи он в тот момент не думал, а они оказались для него самыми тяжкими.

Озлобленные его обвинениями, давние противники поэта, затихшие в связи с успехом «Страны Муравии», снова ополчились против него. Сама обстановка 1937 года предоставляла возможность разделаться с земляком, считавшимся у них «высочкой»,

на Смоленщину почти ежегодно на протяжении 50–60-х гг., и только в самые последние годы тяжелое положение его журнала не позволило ему продолжить эти поездки.

Сходные, и даже более выразительные, цитаты о любви к родному краю легко можно выбрать из стихов поэтов Курской или Орловской, Тульской или любой другой области. Нормальному человеку свойственно любить места, где он рос, где прошло его детство и юность. Из статьи А. Т. «О родине большой и малой» видно, что чувство любви к родным местам он считал естественным не только «для всякого художника», но и для «большинства людей». Признавать его специфическим признаком какого-либо одного поэтического направления неправомочно. Но любовь к малой родине подается в литературе о СПШ как некая особенность, объединяющая ее участников, как ведущая для них тема.

В той же цитированной книге И. А. Королёва утверждает о двойственности любви к родине у А. Т. Край, где родился, был для него любимым, но не давал возможности для раскрытия таланта. И всё чаще главной в его работе, становится большая родина – вся родная страна. По наблюдению исследовательницы, А. Т. о малой родине начинает писать «скупо и объективно» и даже заявляет, что «всюду готов я родиться // Под знаменем этой земли». Чувствуется, что И. Королёва воспринимает всё это как некую измену малой родине. «Но не будем осуждать поэта», предлагает она, ведь «как бы он ни относился к родным местам, в конце жизни пришел к истокам. Ни великая Сибирь, ни мощный Урал не заменят и не заменят родного порога»⁶.

На самом деле ничего двойственного и противоречивого в патриотизме А. Т. не было. Любовь к родине, большой и малой, у него всегда была слитой воедино, нераздельной, что ярко отразилось в его поэзии. Конечно, ни Сибирь, которую он полюбил, ни Дальний Восток, которым восхищался, не могли для него заменить Смоленщину. Но ведь и малая родина не могла заменить ему всю страну, как это случилось у некоторых поэтов-земляков. Но их чувства смоленскому автору более понятны, чем те, что испытывал к родной земле А. Т.

Не подвергая сомнениям саму любовь смолян к малой родине, стоит заметить, что она была разной у А. Т. и тех, кто определен в его последователи. Стоит лишь сопоставить его с таким «основоположником» СПШ как Н. Рыленков. Любовь А. Т. к Смоленщине не сводилась к приятным воспоминаниям о ней, к любованию ее природой. Это чувство у него было неразрывно с тревогой и болью

Очерки — сам Рыленков

за судьбу родного края: Смоленская земля как в дореволюционные годы, так и в советские была одной из беднейших в стране. В уме и сердце поэта сохранялись и «сплошная коллективизация» с раскулачиванием, не обошедшим его семью, и вражеское нашествие, которое здесь А. Т. воспринимал как особо жестокое по последствиям, и тяжелейшие для смолян послевоенные годы. Памятью обо всем этом душа его оставалась больна до конца жизни. Вместе с единомышленниками, авторами «Нового мира», со своим другом В. Овечкиным он искал выхода из бедственного положения сельского хозяйства. Символом нищеты советской деревни стала в его поэзии смоленская крестьянка – тетка Дарья: «С её терпением безнадежным, // С её изобоем без сеней // И с трудоднём пустопорожним, // И с трудоночью не полней...»

Участникам СПШ, разумеется, были по-своему дороги и близки места, где они обитали, они любили свои воспоминания о детстве, о первой любви, любили природу родной стороны. Именно об этой любви они и пытались в меру своих способностей рассказать в стихах. Но беды, горести, потери Смоленщины не нашли сколько-нибудь значимого отражения в их стихах. Тот же Рыленков все невзгоды родной земли относит к дореволюционному прошлому, когда «каждый год село опустошали // То пожар, то что-нибудь еще»⁷. На фоне его смоленских пейзажей проступают приметы современной деревенской действительности, свидетельствующие о зажиточной жизни, богатых урожаях и довольстве колхозников. У них хорошо оснащенные сельские клубы, где кипит культурная жизнь: наряду с самодеятельностью выступают приезжие певцы и музыканты – местные уроженцы. В его стихах 30–50-х гг. много поют и водят хоры. Поют и в годы коллективизации, и в послевоенные годы. Поют трактористы, поют косцы, поют девушки, идущие с поля после работы или выходя на поля «рано-рано на заре туманной». Жизнь протекает здесь рядом «с весёлым пиром природы», по тональности приближаясь к нему (С. 71, 73–75, 80, 84–86, 105, 120, 232, 268, 270, 280, 281, 284, 307, 313, 336 и т. д.).

Для А. Т. песня – важный симптом жизненного настроения. По его наблюдениям этот обычай сельской жизни почти исчез. В начале 60-х гг. поэт делился своими наблюдениями: «Ах, песня в поле, – в самом деле, // Её не слышал я давно. // Уже казалось мне, что пели // Её лишь где-нибудь в кино...»

Родившийся в деревне, бывший в конце 1920-гг. председателем сельсовета, Н. Рыленков не мог не видеть, что происходит на его малой родине. По словам А. Т., Николай Иванович «жил будто бы

у «истоков», т. е. не в столице, но о чем знал, не писал, а писал без конца и без устали свои «росы-косы», «криницы-медуницы». Подобно тому, как Фет, человек практический и скупой в жизни, отделял свою поэзию от мира материалистического, он, начитанный и развитый человек в политических вопросах, решительно отделял от них свои стихи⁸. Даже только по этим высказываниям А. Т. видно, что он не мог видеть в Рыленкове поэта одного с ним направления. Его жизненная позиция коренным образом отличалась от рыленковской.

Любовь Рыленкова к своей малой родине проявляется в основном в любви к её природе. В литературе он и характеризуется главным образом как лирик-пейзажист. Для Твардовского, поэта лиро-эпического, пейзажная лирика – неотъемлемая часть его творчества. Но если сопоставить их в этом жанре, то и здесь просаются в глаза разная манера письма, образный строй, стилистика.

Мне по душе стихотворение Рыленкова «Все в тающей дымке...», где смоленская природа предстает «застенчивой»: «здесь краски не яркие, и звуки не резки»⁹. Поэт говорит здесь о неброской, скромной красоте родного края, в которую надо глядеться, вслушаться, чтобы ощутить ее особую прелесть. Но это стихотворение относится к редким исключениям. Может быть поэтому, В. С. Баевский, который высоко его оценил, не включил его в антологию смоленских поэтов: оно не характерно для Рыленкова¹⁰. В стихах о смоленской природе у него как раз преобладают яркие краски, звучит звонкое птичье многоголосье.

Здесь рдеют малиновые и рябиновые, багровые и лиловые закаты: даже ворона в свете огненного заката «сидит жар-птицей». Здесь «зари малиновая пена» (или «вишневая пена зари») контрастирует с «густо-зелеными садами», «зелеными» и «медовыми реками», с «теплой густой синевой» небес и рек, с «лазурью бездонных озер». В лугах «синеют росы», а осенью сияет «восковая желтизна»; на «стежки полевые льется бирюза», на «цветные разводы лугов» смотрят «васильковые очи июня», «золотистые облака». «Белым пламенем горит калина», ее сменяет «осени рябиновый огонь», «рябиновые костры», «расписные крылья листопада». Радуга здесь «в полнеба, как ворота». Даже сумерки тут «зеленые», а ночи – «светло-синие».

Особое пристрастие смоленский поэт чувствует к золоту и серебру, щедро насыщая ими родные пейзажи и в раннюю, и зрелую пору творчества.

Здесь – непременная «золотая осень», и «золотая пора», и «месяц листьев золотых», «золото и синь осенних дней», «светит в золоте осенем чуть тронутая солнцем синева»; «на деревьях сухая сквозит пьзолота»; «месяц кудри золотые свесил», роса «в золотом свечении», и т. д. (С. 78, 112, 270, 144, 194, 73, 113, 99, 109, 133, 134, 139, 194, 82, 127, 213, 230, 433, 531, 177).

Позолота используется не только в пейзажах. Заря «золотит брови» и «косы золотит». У девочки, что ходит «вдоль и поперек» по льняному полю, (зачем-то вытаптывая его, по меткому замечанию П. Привалова), «золоченые глаза», у льна «золоченые головки». А вот жену поэт любит «не по-праздничному позолоченную, //А по-будничному озабоченную» (С. 113, 219, 333, 316).

Столь же тяготеет основоположник СПШ и к серебру: вьюги; «серебряная тишина» зимы, «серебристые звезды» на снегу; «серебряный фалет подернул розовое пламя» льда; «серебряное марево инея»; «серебряный торох» росы, «живое серебро росы»; «серебристая подкова луны» и, конечно, «лунное серебро» и т. д. (С. 110, 136, 108, 277, 137, 138, 108, 329, 276, 136–137, 329, 133, 206, 241, 215, 531, 402, 362, 452, 13, 276, 402).

Здесь приведена лишь небольшая часть золота и серебра, использованная поэтом: много этих драгоценных металлов осталось в стихах, не вошедших в цитируемый том серии «Библиотеки поэта», где собрано лучшее из написанного Рыленковым (примерно треть его поэтического наследия).

Согласимся, что такое буйство красок, насыщенность блеском не вполне соответствуют неброской красоте смоленской земли. Рыленков почти не прибегает к полутонам, характерным для смоленской природы, которую Ф. И. Тютчев назвал «скудной». И кажется, что, перечисляя богатства малой родины: «узорочье луговин цветное, теплый воск желтеющих полей. Расписные крылья листопада над бездонной синевой озер» (С. 278–279) поэт исходит уже не из прямого общения с ней, скромной и «застенчивой», а из собственных многоцветных зарисовок (заготовок).

Может быть, именно недостаток непосредственных наблюдений и приводит в его стихах к оплошностям, странным для такого любителя природы. Неоднократно встречающиеся в стихах Рыленкова медуницы – цветы, расцветающие ранней весной. И такого не бывает, чтобы «когда зацветет медуница, //Земляничкой пахнет отстоявшийся зной» (С. 189). Не бывает и совместного цветения ландышей и колокольчиков, которые в рыленковских стихах одновременно звенят «звоном серебристым» (С.161).

Нельзя не отметить в пейзажной лирике поэта и засилья стереотипов: березки – белые, кудрявые, ивы – плакучие, липы – вековые, дубы – столетние, ракиты – придорожные, осень – золотая, серебро – лунное, «месяц купается в пруду» и т. д.

Сам образ русской природы порой стереотипен: «Бегут березы в дальние края, // Шумят грачи. Так вот она Россия...».

Как тут не вспомнить «Березу» А. Т. – сорочьей, черно-белой окраски, выросшую у стен Кремля самосевом. Она могла бы рассказать о тех, кто здесь обитал, кто въезжал или проходил через Спасские ворота, о небе над военной Москвой, о крутых поворотах истории. Пейзаж может иметь и исторический и философский смысл, как это нередко у А. Т. Но если картины природы у Рыленкова обходятся без такого подтекста, то его поэмы и стихи на исторические темы, как правило, пейзажа лишены.

У А. Т. совсем иной подход к изображению природы, чем у смоленского лирика. Он не столько любит ее красотой, сколько ощущает себя ее органической частью. Он отмечает в ней то, что скрыто от поверхностного взгляда, должным образом неосознанно и недооценено. При всей внутренней связи с традициями русской пейзажной лирики, стихи А. Т. о природе отражают взаимоотношения с ней человека XX в.

Вот, к примеру, зимнее утро в его стихотворении, написанном в 1966 г. – в разгар новомирской страды. Картину зимнего леса поэт воссоздает скупыми, но выразительными средствами, не прибегая к краскам, лишь передавая свое настроение. «Безмолвная морозная краса» представлена «разлатыми», недвижными елями, с которых не слетит ни снежинки, ни порошинки. Эти «чудные часы лесного не сна, а покоя» он ощущает «как тихое, легкое счастье». И он благодарен не только зимнему лесу, но и себе за то, что способен познать целительную силу этой красоты, вобрать ее в себя и унести с собой в мир борьбы и тревог.

В стихах о весеннем утре (1951) пейзаж возникает от множества примет наступающей весны, ее звуков и запахов. Единственная краска здесь – «зелень коры осинового» // Предвестье зелени трав». А в целом создается впечатление всеобщего, яркого обновления природы, рождающее у человека надежду и желание начать заново и свою жизнь.

Даже если обратиться только к пейзажной лирике А. Т. и Рыленкова, их невозможно будет отнести к одному поэтическому направлению. А. Т. (как и М. Исаковского) от этого «основоположника СПШ» отличаются вкус и чувство меры – неотъемлемая

принадлежность таланта. Невозможно представить в их стихах такие красоты: «Мелким бисером лунных блесков // Небо шелковое расшито» или: «Звезды падают словно перья // Упорхнувшей из рук жар-птицы» (С. 143). Здесь сказываются не только расхождения в эстетических принципах, но разные представления о самой поэзии.

А. Т. воспринимал Рыленкова как поэта вторичного, черпавшего вдохновение в литературе, а не в живой жизни. По его словам Рыленков «весь был в стихах, из стихов состоял, гл. обр. поэзии 20 века – символистов и проч. Знал он, конечно, и поэзию 19 в., но более тяготел не к вершинным ее образцам – Фет, Полонский больше, чем Баратынский и Тютчев»¹¹.

Своего рода иллюстрацией к этим наблюдениям А. Т. могут служить комментарии В. С. Баевского к тому Рыленкова в серии «Библиотека поэта». Здесь отмечены многие заимствования Рыленкова у разных поэтов. У одних Николай Иванович брал тему или сюжет, варьируя их по-своему, у других – отдельные выражения или строчки. Мелькают имена Исаковского и Маяковского, Блока и Есенина, Полонского, М. Волошина, и Ахматовой, и Пастернака, Бунина.

Это тяготение к чужим стихам как источнику собственного творчества проявилось у Рыленкова изначально. Так, стихотворение «На запад уходили поезда...» (1927), по словам В. Баевского, «перекликается» со стихами М. Исаковского «Прощание» («Дан приказ ему на Запад»). Думается Николай Иванович не столько «перекликается» с Исаковским, сколько использует замысел, сюжет и героев его стихотворения, создавая свой вариант прощания, уходивших на гражданскую войну комсомольцев. Его стихи намного длиннее «Прощания», которое кратко, емко, выразительно. Рыленковская его вариация многословна и завершается сентенцией о непобедимости Родины: автор, по-видимому, неуверен, что читатель сам сделает такой вывод, познакомившись с его героями.

В. С. Баевским зафиксированы далеко не все заимствования Рыленкова у предшественников. Так, читаю его стихи про сосновый бор: «Смешался с запахом смолы томный запах земляники» (С. 121), и вспоминаются строки А. Толстого «И смолой и земляникой пахнет темный бор» (Толстой А. К. Илья Муромец, 1871). Эти запахи не раз используются Рыленковым.

Стихи его «Летней ночи легкое дыханье...» (С. 287) вызывают в памяти Фета («Шепот робкое дыханье, трели соловья...») и одновременно Бунина: «легкое дыханье» позаимствовано у него, будучи

неоднократно повторено Николаем Ивановичем («Молодости легкое дыханье» и т. д.).

Взяв у Пришвина название его повести «Неодетая весна», Рыленков построил на нем свое стихотворение «Весны неодетой прозрачные, легкие тени», завершив его этой же строкой. Он никак не дал понять, что это емкое и свежее определение ранней весны – находка М. Пришвина. Ни эпиграфа из Пришвина, ни посвящения Пришвину этих стихов, обязанных ему появлением, Рыленков не дал, ни кавычек к этим не своим словам не поставил.

Понятие «Пятое время года», употребленное впервые А. Ахматовой для обозначения времени, проживаемого в состоянии любви, Рыленков сделал названием своего стихотворения, а затем и книги. И здесь никак не обозначил приоритет Ахматовой, преподнес ее находку как свою собственную.

С появлением глав поэмы «За далью – даль» у Рыленкова обыгрываются в стихах 50 гг. «дальняя даль» и «неоглядные дали». «Ветер времени» взят из «Поездки в Загорье» А. Т., позднее Рыленков назвал так свои автобиографические заметки, опубликованные А. Т. в «Новом мире» в 1963 г.

Далеко не все читатели обладают эрудицией В. С. Баевского, его знанием русской поэзии, чтобы различить в тексте поэта эти хищения из чужих стихов.

Приведенные здесь примеры подтверждают правоту наблюдения А. Т., которое на первый взгляд может показаться парадоксальным. По его словам, Рыленков «знал столько стихов наизусть, что это всегда казалось не только феноменальным, но и обличающим его, незначительность его собственных возможностей в поэзии. Он стал поэтом, стихотворцем от любви к стихам», и, кажется, всю жизнь не только не тяготился «готовыми словами» поэзии, но скорее жалел, что уже нельзя писать в точности как Фет и т. п.¹¹.

Стоит заметить, что А. Т. тоже знал множество стихов русских поэтов наизусть. Но ему не было нужды прибегать к «готовым словам»: он был переполнен найденными им самим. А. Т. рано понял: «нет ничего, что раз и навсегда на свете было выражено словом».

В записи о поэзии Рыленкова А. Т. трижды упоминает Фета, явно уловив особое влечение Николая Ивановича к этому поэту. Сам Рыленков свидетельствовал, что полюбил стихи Фета в юности, когда его открыл ему (как и Тютчева) учитель по химии¹². Однако при этом Николай Иванович позволял себе в печати выпады против А. Фета как «дворянского последыша», обличал его «шовинистический пафос»¹³. «Трудно поверить, что эти строки принадлежали

Рыленкову», – заметил, наткнувшись на них, В. В. Ильин, имея в виду любовь, высказываемую их автором, к поэзии XIX в. Он называет позицию Рыленкова противоречивой и неустойчивой¹⁴. Думается, она была у Рыленкова по-своему и последовательной и устойчивой. Он нападал на любимого поэта, без всякого к этому понуждения, по своей инициативе, пытаясь, по-видимому, такими оценками непопулярного в ту пору Фета подтвердить свою идейную выдержанность. Это ему, как и в других выступлениях, удалось уже в 30-е гг.

Ведь и тогда он, по своей инициативе и без понуждения, обличал товарищей по писательской организации в чуждой классовой позиции, чтобы подтвердить правильность своей собственной – как поэта «пролетарски-крестьянского».

Стоит заметить, что чистым лириком-пейзажистом Н. Рыленков всё же не был. Время от времени он отвлекался от стихов о природе и создавал произведения на актуальную тему. Примером может служить его большое программное стихотворение «Я партию мою благодарю...» (1959). Поэт благодарит КПСС «за каждый злак, что в поле вырастает, // За каждый стебель на цветных лугах, // За песни, от которых сердце тает, // И высыхают слёзы на глазах». Еще он благодарит руководящую и направляющую силу советского общества «за синь небес, что после гроз бездонна» и за многое, многое другое – стихи длинные¹⁵. Но и здесь тоже не обошлось без заимствования. По-видимому, поэта вдохновили известные фольклорные строки: «Прошла зима, настало лето, // Спасибо партии за это».

В статьях о СПШ нередко упоминается как нечто, объединяющее её состав, участие в Великой Отечественной войне¹⁶. Однако степень этого участия у поэтов-земляков была разной, как и результаты его, отразившиеся в творчестве. С. А. Фиксин, представляемый в смоленских изданиях «военным корреспондентом Западного и Закавказского фронта», по состоянию здоровья был демобилизован в октябре 1942 г. и с той поры жил в Киргизии. Д. Д. Осин – военный корреспондент газеты «Гудок», в 1943 г. переместился вместе с редакцией в Москву. Стихов у Фиксина и Осина о войне мало, и они не стали заметным вкладом в литературу¹⁷. Близости в них к А. Т. или Исаковскому не обнаруживается.

Об И. Рыжикове говорится, что «в его поэзии основная тема – тема Великой Отечественной войны». При этом ни одно из его

военных стихотворений не названо, не процитировано, с тем, чтобы показать, что Рыжиков – последователь или ученик А. Т. или Исаковского в военной лирике¹⁸.

Свой военный опыт был и у Н. Рыленкова. Он рассказывал, что первые месяцы войны провёл в резерве – в Рязанской области. Затем был назначен командиром саперного взвода инженерно-строительного батальона: в Бородино копал противотанковые рвы и строил укрепления. В феврале 1942 г. был отчислен из батальона и прикомандирован к редакции военного журнала в Москве (названия его не сообщает). С осени 1942 г. – прикомандирован к штабу партизанского движения Западного фронта с заданием написать книгу о партизанах Смоленщины. (Штаб, как можно предположить, находился не в смоленских лесах, а скорее всего рядом с редакцией московского журнала). Осенью 1943 г. Рыленкова демобилизовали, и он оказался в освобожденном Смоленске, где возглавил писательскую организацию и Смоленское областное издательство¹⁹.

В дальнейшем, уже не вдаваясь в подробности, Николай Иванович сообщал только то, что «в годы войны был командиром саперного взвода, военным журналистом, работал в штабе партизанского движения»²⁰. Именно в таком сжатом виде, без уточнений, предстает его участие в войне в смоленских изданиях. В Смоленской энциклопедии (Персоналии) сказано, что Рыленков «с первых дней войны на фронте», а далее перечислен весь его послужной список, без каких-либо оговорок. Получается, что на протяжении всей войны он командовал саперным взводом и состоял в штабе партизанского движения²¹.

Согласимся, что как фронтовик Рыленков выглядит здесь весьма внушительно, особенно по сравнению с А. Т., который в этой же Смоленской энциклопедии представлен тремя словами: «участник Отечественной войны». А в других, уже упомянутых смоленских изданиях А. Т. фигурирует даже как участник военной печати²². Но участвовать во фронтовой печати можно было и сидя в тылу. Некоторые писатели из Москвы посылали свои стихи и очерки во фронтовые газеты, изредка выезжая в командировки на фронт. Рыленков недаром называл себя «военным журналистом»: по его словам, он много печатался в военных газетах²³. В частности, находясь в Смоленске, публиковал стихи в газете «Красноармейская правда», к которой был прикомандирован поэт Твардовский.

Но А. Т. с редакциями своих газет «Красная армия» (Юго-Западный фронт), а затем «Красноармейская правда» (Западный, затем 3-й Белорусский) прошел вместе с действующей армией весь

путь войны – с июня 1941 г., от отступления наших войск до победы, которую встретил в Кенигсберге. Вместе с армией он вошел в освобожденный Смоленск, куда вскоре приехал демобилизованный Рыленков. А А. Т. покинул город вместе с войсками, продвигаясь дальше на Запад. Поэт постоянно бывал на передовой, общаясь с солдатами. Всё это не могло не сказаться на его работе. Поэму «Василий Теркин» о русском труженике-солдате называют энциклопедией жизни на войне²⁴.

Назначения, которые получили эти земляки и ровесники в начале войны (А. Т. – на запад, Рыленков «в другую сторону») весьма характерны. А. Т., будучи уже известным поэтом, лауреатом Сталинской премии и дважды орденосцем, был послан (23 июня 1941 г.) в самое пекло войны, – на Юго-Западный фронт. Там в первые месяцы отступления погибли писатели Ю. Крымов и А. Гайдар. Рыленков не снискал еще ни известности, ни наград, в центральной печати подвергся критике (за книгу «Березовый перелесок. Смоленск. 1940). Но в глазах властей он был больше, чем поэт. Ведь с 1937 г. он стал руководителем Смоленской писательской организации, т. е. вошел в номенклатуру, подлежащую сохранению.

Как ни мал был военный опыт Рыленкова, исчислявшийся несколькими месяцами, он по-своему мог послужить значительной по содержанию военной лирике. Однако поэт в стихах о войне предпочел писать не об увиденном и пережитом лично, а скорее о том, что знал из литературы и газет. Стихов о саперах, об их труде под бомбежкой у него не оказалось. Между тем, под его командованием находились, как он пишет, бывалые солдаты, нестроевики, прошедшие уже не одну войну. Но он почему-то не захотел рассказать о них, с кем, по его словам, до слез больно было расставаться при переводе в Москву. Вместо этого слагал стихи о штыковых атаках, в которых не участвовал, о разведке, в которую не ходил, о смертельных ранах, которых не получал. Но ведь сколько-нибудь серьезного и длительного общения с участниками боев у него не было. В его стихах о войне есть все её внешние приметы: гром орудий, пушечные канонады, свист шрапнели и много крови, но нет живого чувства непосредственного свидетеля событий.

Вот и в тех строках, что написаны в годы отступления, оставления врагу наших городов и сел, больше деклараций, чем душевной боли и горечи: «И всегда цела и невредима, // Сыновей бессмертьем наделя, // Ты вставала из огня и дыма, // Русская земля» (С. 165). Эти стихи «Русская земля» опубликованы в сентябре 1942 г. в журнале Западного фронта «Фронтовой юмор», когда Смоленская

правда - слово войны

живущим людям стало чуточку теплей». Фронтовики полюбили ее сразу. Перечитывая сейчас солдатские письма А. Т., я обратила внимание, что почти во всех отзывах о его поэме главное слово – «правда» и производные от него. Суровая правда поэмы о жизни и смерти на войне, как и её оптимизм, и юмор были поняты и приняты не только фронтовиками. Поэма осталась в литературе востребованной и после войны читателями самых разных социальных слоев, образования и возраста. Ее высоко оценили такие выдающиеся представители русской культуры как Б. Пастернак, И. Бунин, М. Пришвин, философы В. Асмус, М. Лифшиц, М. Гелфтер.

Поэма А. Т. оказала свое влияние и на советскую поэзию, и на послевоенную прозу. Но, как видно, не на земляков из так называемой Смоленской поэтической школы, одним из основателей которой А. Т. объявили. Прошел мимо уроков А. Т. и Рыленков, значащийся главным преемником А. Т. и Исаковского. От сотрудников редакции «Красноармейской правды» он не мог не узнать об огромном резонансе поэмы А. Т. на фронте и в тылу. Но, по-видимому, военная поэзия А.Т. осталась им непонятой и не заставила взглянуть «свежими глазами» на собственную работу.

В огромной почте потоком шедшей к А. Т. нет ни единого отклика на «Теркина» от «собратьев» из СПШ. Поэты-земляки в военные годы остались столь же далеки от А.Т., столь же несоединимы с ним по художественному мастерству и пониманию роли поэзии, как и в 30-е гг. Печатаясь в одной фронтовой газете с А. Т., Рыленков должен был иметь в виду тех же, что и А. Т. читателей. Но военные стихи Рыленкова безадресны. Как будто, сочиняя их, он имел в виду прежде всего редактора, а не бойцов. Во многотрудных фронтовых буднях им вряд ли мог быть интересен комбат, читавший всю ночь «Илиаду». Они-то «Илиаду» не читали и про Андромаху ничего не знали, а комментарии В. С. Баевского под рукой не было. Могли бы лишь заключить, что у такого комбата на его участке фронта полное затишье. Но такое положение осенью 1942 г., когда публиковались эти стихи, трудно было представить. Столь же мало говорили бойцам стихи о синем вине, – «напитке печали», который якобы поднесла им война. На фронте был востребован совсем другой напиток: многофункциональный, годившийся и помянуть павших и отметить боевую удачу. Печаль не была главенствующим настроением на войне: она соединялась с ненавистью к врагу, жаждой одолеть его, тревогой за родных и другими чувствами. Рыленкову пришлось объяснять даже редактору непонятную и малоподходящую к солдатской жизни метафору. Оказалось,

«синее вино» (давшее затем название книге стихов Рыленкова о войне) было заимствовано им из «Слова о полку Игореве», что вряд ли можно признать удачным.

Расхождения путей в поэзии А. Т. и Рыленкова оказались в военные годы еще более резкими, чем в 30-е гг. В огромной литературе о фронтовой лирике А. Т., о его военных поэмах никому и в голову не пришло сопоставить его с Рыленковым, найти нечто общее в их творчестве, протянуть между ними какие-то соединительные нити. Подобные попытки, хотя и беспомощные, можно обнаружить лишь у защитников СПШ.

Даже такой поверхностный, общего характера сравнительный анализ творчества двух её так называемых «основоположников», как предпринятый в этой статье, убеждает, что между этими поэтами больше различий, чем сходства.

Попытка втиснуть А. Т. в рамки смоленской поэтической школы, увидеть в нём учителя 3–5 заурядных поэтов, не представляется плодотворной. А. Т. за 16 лет на посту редактора «Нового мира» ввел в литературу немало талантливых поэтов и прозаиков. Не случайно многие авторы журнала – прозаики и поэты говорят об «уроках А.Т.»²⁶. Почта А. Т. огромна, ее география обширна – от Крыма до Чукотки, от Ростова на Дону и до Казани и Кемерово и т. д. Писали А. Т. из всех республик СССР. И если он чувствовал хоть искру таланта в присланных ему стихах, поэт отвечал, щедро делился своим литературным опытом, советами, наблюдениями и размышлениями. Но тем, в ком не чувствовал призвания к литературе, говорил об этом правду – прямо и честно²⁷. СПШ в переписке с поэтом по вопросам литературы не замечена.

В трудные годы, когда редактор «Нового мира» впал в немилость властей, ни единого письма от поэтов-земляков не пришло в редакцию. Когда началась массированная травля поэта и его журнала участники СПШ – смоленские «ученики» А. Т. во главе с «основоположником» Н. Рыленковым ничем его не поддержали. Переживший заключение, больной А. В. Македонов написал в «Правду» свой протест на письмо одиннадцати литераторов «Против чего выступает «Новый мир». А никто из поэтического объединения с малой родины поэта никак не откликнулся на обвинения журнали А. Т. в отсутствии патриотизма и пренебрежении к «духовным ценностям».

Имя в Смоленске имя А. Т. Твардовского упоминается, как правильно, в сочетании с именами Исаковского и Рыленкова. Даже 100-й годовщина была отмечена в Смоленске брошюрой, где сочли уместным

информировать и о прошедшем ранее юбилее Н. Рыленкова. Тематические издания УЗ СПГУ обычно посвящаются трем названным поэтам – будь это «Проблемы типологии творчества», «Проблемы творческих связей», «Проблемы истоков творчества» или «Творчество (тех же трех поэтов) в контексте мировой культуры». В каждом из этих сборников «на троих» А. Т. отведена львиная доля, Рыленкову одна или две статьи. В сборнике «Великая Отечественная война в творчестве А. Т. Твардовского, М. В. Исаковского и Н. И. Рыленкова» (Смоленск. УЗ СПГУ, 2005) нет ни одной статьи о Рыленкове. Но он в обязательном порядке значится на обложке, как неперенное добавление к двум именам своих земляков.

Хочется напомнить составителям и издателям этих сборников: поэты – товар штучный, их принято рассматривать отдельно каждого, тем более таких разных и разномасштабных, как А. Т. и Рыленков. Невозможно себе представить, чтобы подобным образом, как нечто единое, рассматривалось творчество, например, Пушкина и Дельвига, или Некрасова и Надсона. Постоянные упоминания трех совсем различных поэтов в одной связке только потому, что они земляки, создает впечатление их одинаковости, близости, равноценности. Такое же впечатление рождает мемориальные доски в Смоленске, где А. Т. оказывается всегда в компании Рыленкова. Своего рода исключением из принятых в Смоленске правил оказался лишь бронзовый А. Т., увековеченный со своим героем, а не с Рыленковым.

В 1959 г. из поездки в Смоленск А. Т. привез двухтомник Н. Рыленкова (уже упоминавшийся в связи со стихами «Я партию свою благодарю...») того же года издания. В том же году в августе появилось в «Правде» стихотворение А. Т. «Поэту» (позднее печатавшееся без заглавия). В нем представлены два противоположных типа поэта. Стоит привести его здесь, хотя бы с сокращениями:

«Жить бы мне век соловьем-одиноким
В этом краю травянистых дорог,
Звонко выщелкивать строчку за строчкой,
Циклы стихов заготавливать впрок.
О разнотравье лугов непрямятых,
Зорях пастушьих, угодах грибных,
О лесниках-добряках бородастых,
О родниках и вечерних закатах,
Девичьих косах и росах ночных...

...Сердце иному причастно всецело,
Словно с рожденья кому подряжен
Братся с душой за нелегкое дело,
Биться, беситься и лезть на рожон.
И попевать, надрываясь до страсти,
С болью, с тревогой за нынешним днём.
И обретать беспокойное счастье
Не во вчерашнем, а именно в нём ...

Стихи заканчиваются словами о том, что и «без этой тропинки, где оставляю сегодняшний след. И без росы на лесной паутинке», и «без иной –хоть ничтожной травинки» – жить и петь невозможно.

Не потому, что особой причуде
Дать отдаю в этом тихом краю.
Просто мне дорого то, что и людям,
Всё, что мне дорого, то и пою».

В моем сознании это стихотворение прочно связано с Рыленковым. В нем перечислено всё, что есть в его пейзажной лирике (росы, косы, разнотравье, лесники-добряки и т. д.). Многие в нём перекликается с уже цитировавшейся записью А. Т. 1969 г. об этом поэте. Стихи «Поэту» по-своему подтверждают, что А. Т. воспринимал Рыленкова как некоего своего антипода.

В этой статье я ничуть не оспариваю правомерности рыленковской поэзии, понимая, что и у неё есть свои читатели и почитатели. Мне только хотелось показать, насколько Рыленков далёк от А. Т., с которым его так неоправданно и так настойчиво сближают. Хотелось убедить в невозможности объединения в одном поэтическом направлении поэтов, столь, как они, противоположных по художественным принципам, идейно-эстетической позиции и, наконец, по образу жизни в литературе.

Примечания

1. Македонов А. В. Очерки советской поэзии. Смоленск. 1960. С. 8.
2. Королева И. А. Основные характеристики творчества поэтов Смоленской поэтической школы. // Её же. А. Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа: сквозь призму имён собственных. Смоленск: Смидьянь. 2010. С. 11, 6.
3. Письмо А. В. Македонова А. Т. Твардовскому 12 июля 1969. // Архив А. Т.
4. Королева И. А. Указ соч. С. 13, 29.
5. Твардовский А. Т. О родине большой и малой. В кн.: Соколов-Микитов И. С. Соч. в 3 тт. М.: Гослитиздат. 1959. Т. 1. С. 5.
6. Королева И. А. Указ соч. С. 14–15.
7. Рыленков Н. Стихотворения и поэмы. М. – Л.: Сов. писатель. 1982. С. 27, 77, 90, 130. Также ссылки на это издание даются в тексте с указанием стр.

«НОВЫЙ МИР»
А. ТВАРДОВСКОГО ПОСЛЕ **В. В. Ильин**
СМЕРТИ СТАЛИНА доктор филологических наук (г. Смоленск)

*И нам уроки мужества даны...
А. Твардовский*

После тяжелых похорон Сталина снова со всей остротой встал вопрос об ошибках «Нового мира». 19 марта 1953 года на заседании парткома Союза писателей было принято «Постановление о работе партгруппы журнала «Новый мир» и ряд других директив. В них указывалось, что в 1952–1953 годах в журнале «были допущены новые, серьёзные ошибки идейно-политического характера».

Творческая художественная мысль, как видно из этих официальных документов, и после смерти Сталина душилась самым решительным образом. Редактора «Нового мира» почти ежедневно вызывали с докладами в партийные органы и в секретариат Союза писателей; ему приходилось согласовывать с «властью имущими» почти каждый материал, идущий в номер. Так, потребовалось дважды запрашивать разрешение на публикацию записок генерал-майора авиации Б. А. Смирнова: ответ на запрос был одним и тем же: «Считаем нецелесообразным <...> публиковать записки Б. Смирнова «В Испании». Аналогичный запрос был отправлен относительно пьесы В. Овечкина и Г. Фиша «Народный академик» (о Т. С. Мальцеве); ответ и на этот раз был отрицательным: «Было бы целесообразно рекомендовать т. Твардовскому не печатать в таком виде указанную сцену в пьесе «Народный академик». Примеры «запретительного» характера можно было бы продолжить, но они и без того наглядно показывают, как трудно было А. Твардовскому на посту главного редактора журнала, по сути находившегося в плотно сжатых тисках.

Но лучше обстояло дело и в личном творческом плане. Хотя поэма «В дальнюю даль» вроде бы и продолжала успешно пробивать себе дорогу к читателю и на первых порах проходила свой путь художественного восприятия без резкой критики недостатков, всё же общее положение поэта и редактора оставалось крайне неустойчивым.

Литературная критика, отметив в поэме расширение идейно-политического и жанрового кругозора поэта, обогащение стиха, открытие новых сторон жизни, в то же время указала на то, что новый этап в поэтической деятельности Твардовского ознаменован

- ⁸ Твардовский А. Т. Новомирский дневник. М.: Вагриус, 2010. Т. 2. С. 339
- ⁹ Стихотворение датировано 1927–1958 гг. Подобные двойные даты стоят под многими стихами Н. Рыленкова, обозначая не срок работы над стихотворением, а возвращение к первоначальному тексту для внесения в него изменений.
- ¹⁰ Баевский В. С. Смоленская поэтическая школа в портретах. Смоленск: Изд-во СмолГУ. 2006. С. 100.
- ¹¹ Твардовский А. Т. Новомирский дневник. Т. 2. С. 340 Об этой же особенности Н. Рыленкова рассказывает В. С. Баевский, трактуя ее как «предельную широту взглядов»: «Обладая феноменальной памятью на стихи, Рыленков запоминал любимых поэтов сборниками, стихотворение за стихотворением в том порядке, в каком они были напечатаны» (Баевский В. С. Указ. соч. С. 98).
- ¹² Рыленков Н. О себе. В кн.: Его же. Отчий край. М. «Советская Россия». 1977. С. 10.
- ¹³ Рыленков Н. Песни киргиз-казахов // Наступление, 1933, № 5. С. 82.
- ¹⁴ Ильин В. В. Не прячь глаз. А. Твардовский. Литературное окружение. Творческие связи. Смоленск. Смядынь. 2000. С. 164.
- ¹⁵ Рыленков Н. И. Стихи и поэмы. В 2-х тт. Т. 2. М., Художественная литература. С. 127.
- ¹⁶ Королева И. А. Указ. соч. С. 11–12.
- ¹⁷ В антологии военной поэзии, издаваемые в центре, представители т. н. СПШ вкупе с Н. Рыленковым обычно не включаются. Весьма скудно представлены их военные стихи и в смоленских изданиях.
- ¹⁸ Королева И. А. Указ. соч. С. 12.
- ¹⁹ Рыленков Н. Ветер времени // Новый мир, 1963, №8, С. 165–166;
- ²⁰ Его же. Отчий край. С. 13.
- ²¹ Смоленская лира. Смоленск. Смядынь. 2002. С. 92; Поэты Земли Смоленской, 2001. С. 148.
- ²² Там же.
- ²³ Рыленков Н. Отчий край. С. 13.
- ²⁴ Одно из последних подтверждений этому – книга А. Туркова, содержащая комментарий к поэме А. Т. «Василий Тёркин» (Изд-во МГУ. 2012).
- ²⁵ О трудностях прохождения в печать текстов поэмы «Василий Тёркин» см. в кн.: Твардовский А. «Я в свою ходил атаку...» Дневники. Письма. 1941–1945. М., «Вагриус». 2005.
- ²⁶ См. об этом в кн.: Воспоминания об А. Т. Твардовском. М., «Сов. писатель», 1980; 1983.
- ²⁷ Твардовский А. Т. Письма о литературе. Состав. и примеч. М. И. Твардовская. М., 1985.